

Работы Немецкого Университета Политики

Издано Паулем Майером-Беннекенштейном

I. Идея и облик Национал-Социализма

Статья номер 5

Кризис и новое строительство Европы

Автор:

Руководитель Внешнеполитического управления НСДАП

Альфред Розенберг

1934,

Издательство *Junker & Dünnhaupt*

Все права защищены, в том числе
в случае перевода на иностранные языки

Великая война 1914-1918 гг. пролегла глубокой пропастью между двумя великими эпохами. Многие, кто вернулся с неё, многие на всём Земном шаре, кто наблюдал за ней со стороны, миллионы верили, что после прекращения боевых действий можно будет вернуться по своим домам и к своей работе. В это уверовали и многие государственные деятели. В действительности, однако, сам факт таких событий, как Мировая война, уже является символом нездоровой обстановки. Это была катастрофа, крах старого мира, и миллионы людей, которые в настоящее время вновь вступают в жизнь, ныне пытаются объяснить тенденции и предпосылки, которые привели к этому великому столкновению и краху. Множество людей обратилось к прошлым десятилетиям, они начали глубоко исследовать быт предыдущего века. И, как ни странно, везде, то в одном народе, то в другом, появились люди, давшие ответы на животрепещущие вопросы нашего времени. В те ноябрьские дни 1918 г. рухнуло не только общественное законодательство, не только догмы социального, политического и мировоззренческого характера, но и государственные системы стран, вышедших победителями из войны. Они тоже пострадали, и сейчас, спустя пятнадцать лет становится всё более очевидным, что и они претерпели глубокую внутреннюю трансформацию, и даже те, кто сейчас неохотно идёт на это, будут также вынуждены проводить практические преобразования.

В частности, в Германии началась масштабная критика всех социальных уставов и всего уклада жизни нашего времени. Мы должны сказать, что невозможно выверить эту критику со старой точки зрения на политику, общество и мировоззрение; ведь суть всех великих поворотов истории как раз в том, что старые оценки каких-либо событий почти полностью перестают находить применение. И сейчас, как и во все великие эпохи, вопросы немногих перед миллионами, не знающими ответа, разрешаются и утверждаются немногими же. Между этими утверждениями разгорается мировоззренческая, внешне- и внутривнутриполитическая борьба, пока наконец мнения, высказанные немногими, не становятся основами будущего научного знания. Что именно таков ход событий, мы могли убедиться в нашей Германии. Люди с определенными убеждениями стали спланиваться вокруг этих немногих, постепенно превратившись в большую группу, готовую сражаться за свои

убеждения, пока, наконец, из одной из таких групп не выросла новая Держава (Reich). Даже после окончания внутривластной борьбы, эти убеждения стоят в основе внешнеполитического курса. Если сегодня можно убедиться в перерождении современности, ощутить размеренный рост государства, увидеть новое восприятие жизни, то в этом случае можно заново оценить прошлое. Обратить взор к истории собственной нации, к истории Европы, к истории мира. Личности, раньше стоявшие во тьме, предстанут перед нами в новом свете. Другой стороной этого процесса будет то, что люди, пользовавшиеся уважением в ранней школьной и университетской жизни, потеряют то уважение, которым они пользовались раньше, уйдут «в отставку». Если мы, например, поставим вопрос о том, кто был носителем и основателем немецкой государственной идеи, мы сразу же обнаружим серьёзные расхождения с традиционной наукой прошлого, утверждавшей, что это был Карл Великий. Не в Шарлемане¹, но в его противнике, саксонском вожде Видукинде мы видим основателя немецкой империи, и носителя немецкой державной идеи. Ныне, говоря о Крови и Почве (Blut und Boden) мы видим в этом саксонском вожде-еретике первого борца за эту Кровь и эту Почву. То, что делал Карл Великий, было делом легионов Вара, а то, за что сражался Видукинд, было делом Арминия²! И если мы проследим эту дихотомию вглубь веков, то Барбаросса будет видеться нами как мятежник, а вождём немецкого государства и представителем нашей национальной идеи снова окажется саксонец: Генрих Лев³! Конечно, мы и думать не смеем о том, чтобы как-то принизить августейших особ из рода Гогенштауфенов. И в Генрихе VI, и во Фридрихе II мы видим две великие фигуры немецкого прошлого. Но они состояли на службе у глобальной идеи: Германия не была её центром. Вот почему восстание против этого универсализма представляется нам основой немецкой истории, и путь, который сегодня ведет к Адольфу Гитлеру, шёл от Видукинды через Генриха Льва, Бранденбургского курфюрста, через Фридриха II, и через Бисмарка! Такова иная оценка многих фигур истории, таковы иные принципы, такова иная оценка немецкого прошлого.

¹ Иное наименование Карла Великого.

² Вождь германского восстания против римских легионов Квинтилия Вара. В эпоху немецкого романтизма воспет в качестве национального героя и вождя освободительной войны.

³ Саксонский герцог Генрих III из династии Вельфов. Предводитель неудачного крестового похода на Восток, на славянские территории. Указом Фридриха I Барбароссы лишен владений.

Я думаю, что нечто подобное происходит и с другими народами. Если раньше в Италии поклонялись Гракхам⁴, то Италии сейчас Сулла⁵ ей наверняка нравится больше. И точно так же, как сегодняшняя Италия мечтает о Третьем Риме, сегодняшняя Германия мечтает о Третьем Рейхе. В новой жизни народов Европы мы повсеместно видим параллели. И я надеюсь, что, когда вы говорите о Европе сегодня, вы больше не понимаете её как конструкцию в рамках универсалистской системы. Невозможно изложить идею Европы как-то так, чтобы донести её в каждый дом чёрным по белому. Когда-то верилось, что такая Европа может быть: ссылаясь на Средневековье, некоторые утверждали, что веками существовала Европа, объединённая одной мыслью и мировоззрением. Но я думаю, что если сейчас мы углубимся в историю прошлого, то выяснится, что эта так называемая единая Европа Средневековья окажется конструктором из более поздних времён. Даже в то время, когда кайзеровская империя действительно доминировала в Европе с позиций силовой политики, когда единое мировоззрение определяло жизнь людей, в этом довольно взрывоопасном единстве произошло множество идеологических и политических столкновений; не всегда крупных, но между городом и городом, между богатыми и богатыми, борьба так и не закончилась, и мечта о европейском единстве была действительно фантазией ретроспективной исторической интерпретации с определёнными целями.

Мы все были свидетелями попытки в конце прошлого столетия представить Пан-Европу как разрешение всех атомизированных политико-социологических проблем для создания так называемого европейского единства. Проследив за всеми этими идеологизированиями графа Куденхове-Калерги⁶, мы увидели, как эти попытки продолжаются в Лиге Наций, и видели, что на практике не была высказана реальная европейская идея, а та, что была высказана, лишь теоретически укрепляла господство Французской Республики. Если мы посмотрим на карту этой Пан-Европы, мы

⁴ Римские братья-реформаторы.

⁵ Единоличный правитель Рима, принявший волевое участие в жёстком укреплении Республики. «Бессрочный диктатор», организатор проскрипций – списков врагов государства. Добровольно отказался от власти и умер по естественным причинам.

⁶ Один из первых идеологов европейской интеграции и взаимовыгодного сотрудничества европейских стран. В 1923 году опубликовал манифест «Пан-Европа», является основателем Панъевропейского союза, действующего и по сей день.

увидим, что Англия из неё исключена, однако, совершенно обратная судьба постигла все французские колонии в Африке и Азии. Этот проект Пан-Европы вызвал живую радость во всех наших еврейских газетах, и на практике мы имели дело не с общеевропейскими идеями, а, говоря лаконичнее, с Франко-Иудеей.

Мы не верим в то, что все народы Европы разделяли бы какую-то общеевропейскую идею, как и в то, если бы универсальная идея была бы распределена между нациями в соответствии со степенью их одарённости. Скорее, мы считаем, что загадка Европы заключается в её *множественности*⁷, и что пан-европейские идеологии прежних времён путали с идеей единства. *Единство предполагает некое множество, которое будет составлять целое.* Это более глубокая попытка сформировать это многообразие, потому что его нельзя описать, не прибегая к абстрактным догмам. Сегодня мы должны сказать: точка, идея, и факт, из которого мы сегодня исходим – это нация. Сегодня национализм живее, чем когда-либо в предыдущие века, и он глубже, намного глубже национализма XIX века, и его суть предстаёт перед нами более многогранной. Это многогранность имеет корни в разных народных характерах. Я полагаю, что то, как отдельный народ формирует своё представление о национализме, и является определяющим фактом культурно-исторической и политической истории Европы.

Я считаю, что есть четыре нации, которые первые произвели на свет очерченную и отчеканенную национальную идею.

Фашистская Италия понимает под нацией государство. Всюду в сегодняшней Италии два этих понятия приравняются друг к другу, и в этом мы видим сознательное возвращение к железному древнеримскому государственному устройству. Снова и снова можно лицезреть почитание древнего Рима, его власти, его дисциплины, его способности к самопожертвованию, его абсолютного подчинения индивида абстрактной государственной идее. Эта идея, похоже, вернулась к жизни несмотря на то, что многие века она гнездилась лишь в душах лучших из итальянцев; из этого национально-государственного принципа и возникли удивительные творческие способности фашистского государства.

⁷ Vielheit

Франция имеет существенно отличную точку зрения на то, что она хочет связать с идеей нации. Если мы обратимся к французской литературе (Бальзак или Золя), то мы обнаружим у них изображения скупых крестьян, которые неразрывно привязаны к своей *Почве*. Французы всегда упорно боролись за свою землю. Это почитание, обожание своей земли связало даже французский клир с французским вольнодумием. Это и есть загадка французского национализма, которая укрепила его в многочисленных испытаниях, от которых этот народ не был избавлен.

Отличается от других и английский национализм. Под британским гражданством понимается скорее то, что мы называем «обществом», Society. Кто подчиняет себя британским неписаным законам, кто не преступает эти законы никаким способом, тот может быть британцем. В течение столетий этот британский взгляд на национализм показывал особую способность к ассимиляции. Эта способность была настолько сильна, что она англизировала даже небольшую часть евреев. Нигде сильно еврей не смог так ассимилироваться, как в Великобритании. Эта тайна оказала силу селекции, которая заметна еще сегодня во всем мире, и в этом виден секрет защищённости страны на островном положении, и тайна эта смогла проникнуть ещё много куда в мире.

И четвёртый: немецкий национализм. Он всегда шёл от крови. Возможно, это было также отчасти связано с исторической ситуацией, с географической ситуацией, с тем, что немецкий народ был разорван на части на протяжении веков. Но всякий раз, когда Германия пробуждалась, эта идея крови была жива. Даже «Кёльнише Фольксцайтунг»⁸, главный орган прежнего центра, заключил, что секрет немецкого национального чувства на самом деле коренится в чувстве крови.

Мы не хотим сказать, что кто-то из них абсолютно прав. Мы верим, и это прагматичная вера, в слова Гёте: «Что плодотворно, то само по себе верно». Если итальянский вождь с помощью своего национального идеала плодотворно, живой творческой силой создаёт великую Италию, значит, его учение верно для Италии. Если Англии удаётся углублять и укреплять свою систему воспитания, то

⁸ Kölnische Volkszeitung

эта система верна для Англии. И если можно преуспеть в объединении разнородного немецкого народа со множеством его индивидуальных импульсов, и создать из него единую полнокровную глыбу из семидесяти миллионов человек, значит эта кровная вера – единственно возможная для Германии сила, и её одной нам следует придерживаться. Это очень практический вывод, и уже можно сказать, что это новое мировоззрение, с великими жертвами в течение четырнадцати лет борющееся за своё существование, может рассматриваться как данность, и что в этих условиях родится новый народ с новым будущим. Потому не случайно, что фашистская Италия выбрала символ, история которого охватывает тысячи лет: связку ликторов, символ жесточайшей государственности. Не случайно и то, что недавно пробудившаяся Германия выбрала своим символом свастику, знак, созданный более пяти тысяч лет назад в Центральной Европе, и всегда бывший символом рождающейся жизни, полной кровного чувства. Это явления, которые происходят не столько сознательно, сколь исходят из подсознания, и далее этот инстинкт сочетается с сознательно выбранной идеологической формацией.

Таким образом, у европейской идеи четыре корня. Я считаю, что все остальные теории несколько упрощаются, если сначала обратиться к корням, видовой структуре этих народов, которые определили историю всего Запада, будь то во благо или во вред многим другим. Если в Европе возникнут какие-либо конфликты и один из этих центров будет разрушен, то пострадают и будут уничтожены и другие! Это не та мысль, которую мы проповедуем остальному миру после получения власти, а то, что мы говорили задолго до этого, в отличие ото всех тех, кто приписывал нам какие-либо империалистические тенденции. Это буквально то, что я констатировал на международной конференции в Риме в 1932 г. Я точно так же пытался там обосновать эти четыре национализма, и фашистские газеты и журналы позже обнаружили, что именно в этом ключе был составлен более поздний пакт четырёх держав⁹. Мы знаем, что этот пакт четырех держав далек от реальности. Я думаю, что могу сказать об этом следующее: если кто-то принимает эти основные требования в своём сердце, то тогда каждый

⁹ Не путайте с Пактом четырёх держав 1940 г. Здесь подразумевается пакт, заключённый в 1933 уже перечисленными странами с целью предотвращения войны в Европе.

неутопический ум поймёт, что сегодня они скорее программные, чем практические, так как путь от внутреннего признания к политической деятельности и достижениям всегда чрезвычайно труден. Подобно тому, как некоторым научным идеям для утверждения часто требуются десятилетия или столетия, то же относится и к политическим идеям. Можно заметить, что люди увлекаются утопическими идеями из сугубо подсознательных ощущений, не пытаясь подвергнуть их проверке реальностью, поэтому любое взвешенное заявление они сочтут неудобным и станут с ним бороться. Но мы не можем упускать тот факт, что как национал-социалистическое пробуждение культивирует новые формы среди народов Европы, так и другие нации и расы также переживают внутреннюю трансформацию, за которой следуют социальные и политические изменения, результаты которых нельзя будет игнорировать. Однако неважно, возродится ли на Дальнем Востоке Великий Китай, или же Япония узурпирует лидерство среди жёлтой расы, или вообще – что на Дальнем Востоке возникнет союз сильных государств – то, что когда-то имело там влияние в качестве европейского наследия, исчезнет из сознания как китайцев, так и японцев. Их обновление вырастет из их собственной крови, наследия, и политической судьбы, поэтому естественным образом они будут питать двойную враждебность к «европейской духовности». Основопологающими требованиями ко всем европейцам будет отказ от любой культурной пропаганды из уважения к видовой морали жёлтой расы Востока, и прекращение коммуникации в политике, технологиях и экономической сфере. Внутреннее обновление, подходящее этим народам, будет значить признание достижений жёлтой расы без предубеждений.

С этим явлением, однако, связан вопрос внутренней динамики четырёх кратко очерченных выше национализмов. В прошлом и сейчас имеет место в нашем существовании трагедия, заключающаяся в том, что четыре этих великих народа в своём развитии стояли не спина к спине, а часто – друг против друга. Если сейчас мы посмотрим на состояние Франции, мы сможем убедиться, что Франция – весьма насыщенная страна. На севере Франции пребывает более одного миллиона иммигрантов, в основном это польские рабочие, так как французский народ не способен заполнить всё имеющееся в его распоряжении пространство. На юго-восток

набирает всё больше итальянских иммигрантов. В и без того более чем насыщенной Европе Франция поставила перед собой большую задачу – использовать имеющиеся у неё по всему Средиземному морю силы для возведения и формирования своей огромной колониальной империи. Я считаю, что уже сейчас есть некоторое количество французов, отказавшихся от дальнейших попыток расширения, и которые ясно видят великую задачу своего государства. Но не смотрите на это так, как смотрят на это узколобые политики солдатской закалки. Потому как если парижский парламент заявляет не о тридцати девяти, но о ста миллионах, говорящих по-французски, он осознанно приравнивает друг к другу негров и белых. Я считаю, что это опасная тенденция для всей Европы, но в первую очередь – для самой Франции. Потому что на горизонте такого развития стоит повторение истории Древнего Рима и Древней Эллады. Эти государства погибли не только в результате войн, но и в результате расового смешения с сирийцами и африканцами. Если Франция намеренно желает развиваться в таком ключе, то мулатизация, как в Тулузе и Марселе, проникнет в самое сердце «французскости», и в итоге от города Сен-Женевьева останется лишь колониальный пригород. Это то, о чём дважды следует подумать каждому сознательному французу. Он должен отвергнуть тот факт, что старая Франция сегодня становится оплотом Африки; скорее, он должен признать, что задачей Франции должна быть защита белых людей на африканском континенте.

Мы не знаем, победят ли эти мысли во Франции. Мы должны сожалеть, что министр иностранных дел констатирует необходимость вести такую политику, чтобы создать «страховочную сеть» в Европе. Недавно он выразил радость по поводу того, что эта система безопасности Франции теперь охватывает её восток, но она [сеть – прим. переводчика] всё ещё тонка; он надеялся, что её можно будет завязать всё туже и туже. Это означает, что в Париже они не только сами не отказались от идеи защищаться огромными бетонными стенами от Германии, но и хотели призвать практически все народы Европы гарантировать «безопасность» Франции. Но если учесть, что эксперты во французском парламенте представляют своё вооружение как несравненное, они, по сути, заявляют, что ни один немец не сможет преодолеть эту линию обороны, и я полагаю, что такая степень защищённости устраивает Францию. Мы говорим

сегодня о том, что безопасность Франции всё же не гарантирована, французские власти подписывают своему народу такой приговор, какой мы, немцы, не хотели бы ему подписать!

Итальянский вектор был довольно чётко обозначен с началом правления Муссолини. Когда он отправлялся в Триполи на военном корабле в 1927 году, он заявил перед отъездом: «Я не случайно выбираю этот маршрут. Сама судьба указывает на него!». И в самом деле, можно понять, что Италия больше не хочет расселения своего народа в Северной и Южной Америке, а хочет его сплочения вокруг своей метрополии. Понятно, что это может вызвать конфликты с другими государствами. Но эта итальянская динамика естественна и понятна, итальянскому народу необходимо жить и процветать.

Мы считаем, что миссия Англии ничуть не изменилась по сравнению с той, что была в предыдущие века. Великобритания поставила своей целью защиту белого человека на земле, и британская колониальная политика действительно остаётся верна этой задаче по сей день¹⁰. Я считаю, что в интересах всей Европы подхватить эту миссию, чтобы жизненное пространство, в котором повсеместно нуждаются европейцы, чтобы существовать, не сокращалось, а сохранялось для всех. Это миссия Великобритании. Эта миссия, безусловно, в интересах всех народов.

Что же касается развития Германии? Сегодня, прежде всего, остального она занята внутривойсковыми делами. Если раньше мы только говорили о крови, то сегодня мы видим новое немецкое законодательство, а также расовую теорию, наследственную гигиену и т.д., всё у нас направлено на то, чтобы не только взрастить тех, кто находится в пределах немецких границ, но и тех людей с характером, которые мыслят в схожем направлении и считают, что качество населения должно увеличиваться от поколения к поколению.

Когда мы говорим о расовой теории, нас всегда попрекают тем, что это приниженная оценка других народов и рас. На самом деле, всё наоборот. Расовые исследования в Германии – это не расовая

¹⁰ Честно говоря, не совсем понял, каково качество исполнения этой задачи, т.к. выше отмечалось, что британская нация обладает выдающейся способностью к ассимиляции, распространяющейся даже на евреев. По-видимому, имеется ввиду сама структура, которой управляют белые люди и те огромные территории, которые занимает эта империя. Ко всему прочему, несложно посчитать и понять, что тогда войны с Великобританией даже не предвиделось.

ненависть, но расовое уважение, исходящее из того, что на Земле есть люди разные по цвету кожи, по крови, и по поведению, и это не случайность, но естественное положение вещей. Обладая подобными знаниями, люди смогут ценить не только свой народ, но и другие. Первостепенную роль это знание сыграет и у других народов, которые смогут провести оценку или переоценку своего положения.

Вопрос о том, насколько Европа является культурно позитивной по отношению к остальному миру, особенно азиатско-африканской его части, решается одним словом: нисколько! Следовательно, нет необходимости сводить различные проявления национализма в странах Европы к общему знаменателю. Это полностью проблема всей Европы. Подлинный национализм, который сегодня обращается к народной физически-психической субстанции, осознанно отвергает все субъективные или капиталистические интересы. Поэтому при дальнейшем развитии он не будет культивировать деятельность, полную ненависти, а скорее то рыцарское благородство, которое почти исчезло из современного мира. Каждый носитель истинных ценностей будет чувствовать уважение ко всем другим представителям подобного искреннего чувства, и не будет испытывать предательской мысли о конкуренции ради наживы. Молодой национализм, таким образом, призван достичь того, чего оказался неспособен достичь застарелый национализм всех оттенков. Никогда, к примеру, эффективное ограничение вооружений не будет осуществляться посредством жалоб и гуманитарного красноречия; это будет возможно лишь в том случае, если ярый националист будет ценить его народ, его исследователей, художников, солдат, его молодёжь как наисвященнейшее благо, и тогда последним выходом он будет видеть использование всего этого вместе с- или против современной военной техники. Только такой человек не станет смотреть на возможную военную катастрофу с точки зрения фондовой биржи или денежных возможностей военно-промышленного комплекса, как это происходило до сих пор под маской национализма, а также под прикрытием интернациональной пропаганды. Абстрактная концепция либерального государства решала проблемы только в теории. Такое государство не доминировало в экономике, а постепенно приватизировалось крупными банками и корпорациями. Важнейшей задачей для всех крупных европейских государств

должно являться устранение из своей внешней и внутренней политики спекулянтов всех видов, имеющих частные интересы, и часто родственных друг другу. Только так созидательная экономика вернёт себе прежний, почти утраченный, но всё ещё существующий престиж. Поиск путей решения этого вопроса – дело отдельных людей. Проблема и окончательное решение этого вопроса¹¹ – дело всей Европы.

После суровых испытаний это утверждение значит и отказ от субъективизма идей 1789¹² г. – таково необходимое следствие. Сегодня людьми верно понимается противоположность, а вовсе не тождественность субъективизма и индивидуальности (Persönlichkeit). В мире либеральных идей отдельный человек суммируется миллион раз, чтобы получилось то, что известно как человечество. Однако личность – высшая точка органических законов, основанных на Крови и Почве, и основополагающих законах проработанного, и вследствие этого – ограниченного роста. Только такой закон может даровать свободу. Гарантировать свободу общественного и личностного возможно лишь в борьбе против носителей хаоса, эти ли теперь интеллектуально или инстинктивно разрушающие нас представляют мировую экономику как идеал, к которому нужно стремиться. Истина в том, что нет такого явления, как мировая экономика. Вместо этого сегодня рождается то, что раньше существовало только номинально: народная экономика. Это – лишь внешняя сторона великого процесса национализации, революции 20 века, процессов, в потоке которых находимся мы все, и которые вскоре наполнят кровью и изменят всё существующее!

Если мы рассмотрим всю эту совокупность четырёх великих европейских наций, и это по большей части значит только негативное отношение к другим континентам, то со вводом понятия «большие нации» не делается никакого оценочного суждения о так называемых «малых нациях». Мы говорим здесь только о количественном соотношении, это никак не является признаком их культурного потенциала или культурных достижений в европейской истории. Это лишь наблюдение, касающееся того, что именно эти четыре великих народа в первую очередь имеют право решать

¹¹ Endlösung.

¹² Год Великой французской революции, прошедшей под лозунгом «Свобода, равенство и братство» и закончившейся казнью короля Людовика XVI.

политическую судьбу. Другие народы в той или иной форме развили аналогичные националистические идеи в ходе своей истории, а затем создали свои культурные достижения из этих и связанных с ними форм. Если мы теперь рассмотрим этот западноевропейский комплекс в целом, то, глядя на восток, мы можем констатировать следующий факт, который, я считаю, является решающим для европейской истории. Моммзен однажды сравнил старую Российскую Империю с мусорным ведром, которое поддерживалось ржавым ободом. Когда в 1917 эта царская держава рухнула, стало очевидно, что Россия не является национальным государством, как народы Западной Европы, но государством национальности¹³ – то есть государственного подданства. С первых дней большевизм провозгласил право всех народов России на самоопределение, включая право на отделение от российского государства. Этим правом постепенно воспользовалось так много народов, что Москва была вынуждена остановить этот процесс, и теперь установила централистскую диктатуру. Но факт остаётся фактом: весь запад бывшей Российской Империи как по команде откололся, образовав целую серию так называемых приграничных государств. И вдруг вернулось к жизни то чувство, что было давно забыто: Восточное пространство, ранее бывшее определяющим в истории Европы и позже потерянное из виду, теперь снова вернулось в центр внимания; все народы Прибалтийского региона (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва) – все они отвернулись от коммунизма, заняв оборонительную политическую позицию относительно происходящего в Восточной Европе и приняли самое судьбоносное участие в формировании нашего европейского континента. Они посвятили себя этой Европе, создавая свои государства и выстраивая ценности и форму своего правительства. Мы знаем, что между Германией и этими молодыми государствами есть некоторая горечь; мы знаем, что они сами пережили много кризисов в политике. Но я полагаю, что могу говорить: если там когда-либо имели страх перед так называемым немецким натиском на Восток (*Drang nach Osten*), то сейчас можно увидеть, что в Германии живо понимают тот факт, что ряд народов формирует свою собственную жизнь, и что Германия абсолютно

¹³ И хотя в западных языках «национальность» по-прежнему значит лишь гражданство, в восточнославянских языках «национальность» стала равняться этничности, создав, таким образом путаницу и тяготение к восприятию нации не как народа-Volk'a, а как сообщества людей, объединённых паспортами одной страны.

готова признать общность судьбы всех народов Балтийского моря и их определённую динамику. Мы считаем, что судьба объединяет все эти народы и государства, и что потребность во взаимопонимании обоюдна. Мы также полагаем, что можем ожидать, что проявленные с нашей стороны тон и отношение также будут взаимны, и что такой великий народ, как немецкий, вправе ожидать этого от таких молодых государств.

Сегодня и другая область закономерно даёт о себе знать – Дунайский регион. Там было уничтожено прежнее государство¹⁴ и раздавлен союзный нам народ. Но и здесь есть некая определённая судьба, от которой этим народам не суждено скрыться. Получается, что в конце концов все они в течение следующих лет и десятилетий будут вынуждены работать вместе, если только новая катастрофа не обрушится не только на них, но и на всю Европу. В таком случае люди грядущего исторического обозрения и грядущего политического руководства также должны будут принять серьёзность подобного развития событий и воздерживаться от мелких, ограниченных склок. Я верю, что Дунай, эта старая река Нибелунгов¹⁵, продемонстрирует свою силу и что там, в придунайских странах, однажды поймут, что неестественно позволять рассматривать себя как базу для финансово-капиталистических инвестиций из Парижа или других стран, но что любая страна органически связана с Центральной Европой, и это уже не вопрос финансового капитализма, как в XIX веке, а обмен между этими народами и Германией, выгодный для всех. Я хотел бы сказать, что эта динамика, которая, возможно, когда-нибудь будет исходить из новой Германии, ни в коем случае не будет агрессивной или милитаристской, а вместо этого основанной на знании того, что судьбы народов Дуная и Германии неразрывно связаны на десятилетия вперёд.

Я полагаю, что могу также утверждать: хотя деятельность французов больше не направлена на восток, а органично идёт на юг, в Африку, когда развитие Италии также органично передвигается в центральную часть Северной Африки, когда Великобритания использует свою силу для защиты белого человека на всём земном шаре, а Германия разворачивает свои экономические и культурные

¹⁴ Австро-Венгрия.

¹⁵ Именно на берегах Дуная, в районе между Пассау и Веной, находится предполагаемое место записи «Песни о Нибелунгах». Река фигурирует и в сюжете эпоса под названием *Tuonowe*.

устремления на северо-восток и на юго-восток - все эти течения не противостоящие друг другу, а стоящие спиной к спине. И вовлечённые в эти процессы малые народы также смогут жить безопаснее и экономически и культурно здоровее, чем если бы кто-то хотел утвердить постулаты новой Пан-Европы, в котором доминировал бы некий центр.

Нет смысла в том, чтобы эти размышления заканчивались какой-либо абстрактной формулой; нет смысла заявлять, что европейская идея заключается в том или в этом; скорее без какого-либо схематизма мы должны серьезно изучать историю и природу нашего континента.

Можно лишь сказать, что различные силы творческого таланта, с совершенно разной политической судьбой сформировали определенные типы людей и типы наций, и что они должны теперь активно действовать в направлении познания той великой задачи, что соответствовала бы их органической природе, географическому положению и более всего – их судьбе. Я придерживаюсь мнения, что если европейцы, а в особенности четыре великих государства Европы, не придут к разграничению и распределению своей деятельности, то никто из нас не избежит участи, постигшей Рим, Спарту и Афины. Этот великий вопрос стоит одинаково перед всеми народами, но нигде это не рассматривается так серьезно, как сейчас в Германии. Нигде больше не жив в такой степени дух, способный оседлать эти проблемы. Нередко люди ошибаются в отношении пылкого немецкого национализма. Наш путь – не революция вооруженного кулака, а социальная революция мирового масштаба внутри Германии, основанная на осознании того, что народы могут быть освобождены от пут всего XIX века, от противоборства марксизма и финансового капитализма в том случае, если они найдут способ мирно создавать своё государство, свой народ и свою культуру в подходящем для них мысленном настрое.

Подобные мысли не даруются народам, а рождаются в острой необходимости. Нам, бывает, говорят, что Германия вернулась к Средневековым порядкам. На это мы можем с гордостью сказать, что у Германии была более сложная судьба, чем у других народов, и под этим давлением Германия за 10 лет сделала такой шаг вперёд, на

который в ином случае потребовалось бы гораздо больше времени, и на что другим народам наверняка потребуется 30 или 40 лет.

Это – не высокомерие, а всего лишь утверждение факта народной психологии. Вот почему сегодняшняя Германия не закрывается от иностранных путешественников, как другие страны, а наоборот, просит как можно больше иностранцев взглянуть на Германию и держаться подальше от ненавистнических высказываний из Амстердамской, Пражской или любой другой прессы, и воочию увидеть, как сегодняшняя Германия старается ответственно блюсти законы своей жизни, законы своей культуры и знамения своей созидательной силы.

Если так поступят многие иностранцы (а многие, слава богу, сделали это в этом году), то они попадут в такие условия, на основе которых они, возможно, смогут пересмотреть свои взгляды на что-либо у себя дома.

И тогда, возможно, найдётся способ преодолеть недоразумения довоенного поколения, непреднамеренные и умышленные недопонимания некоторых дипломатов, которые ещё не вышли за рамки чувств довоенного и военного времени, чтобы понять, что сейчас вырастает новое, свободное поколение, которое исследует вопросы нашего времени, и в котором выражается тот факт, что у двадцатого века также есть свой образ жизни и свои права, а не только у девятнадцатого, восемнадцатого или четырнадцатого столетия.

И за такой XX век, за эти его восходящие формы мы и боремся. Мы верим, что только когда мы осмыслим великий кризис, может произойти живое возрождение всего самого лучшего на нашем древнем и досточтимом европейском континенте!